

Каченовский (Михаил Трофимович) - журналист и профессор, родился 1 ноября 1775 г. в Харькове. Отец его, Трофим Демьянович Качони, был грек, выселившийся из Балаклавы и приписавшийся к мещанскому обществу города Харькова. Рано лишившись отца, Каченовский, при помощи добрых людей, был пристроен в Харьковский коллегийум, 13 лет кончил курс в этом среднем учебном заведении и поступил урядником в Екатеринославское казачье ополчение. Пять лет спустя он перешел в Харьковский губернский магистрат канцеляристом, но через два года (1795) опять вернулся в военную службу. Получив (1798) должность квартирмейстера, Каченовский попал под суд по обвинению в недочете казенного пороха, но был оправдан. В 1799 и 1801 годы он выступил в журнале "Иппокрена" с несколькими оригинальными и переводными статьями, написанными в духе тогдашнего сентиментализма. Сидя под арестом во время следствия, Каченовский прочел сочинения Болтина, возбудившие в нем мысль о критической разработке источников русской истории. Вскоре по оставлении военной службы (1801) Каченовский сделался известен графу Алексею Кирилловичу Разумовскому и скоро поступил к нему библиотекарем. Получив место попечителя Московского университета, граф Разумовский привез с собой Каченовского в Москву и сделал его правителем своей личной канцелярии. С этих пор Каченовский начинает усиленно работать для журналов. Из "Новостей русской литературы" (1803) он переходит в "Вестник Европы" (1804), только что оставленный Карамзиным для исторических занятий. Фактически, а с 1805 г. и формально, Каченовский становится редактором-издателем "Вестника Европы", которым и заведует до его прекращения в 1830 г. (о Каченовском, как журналисте, см. "Вестник Европы"). В 1805 г. отставной квартирмейстер получает ученую степень магистра философии, в следующем году становится доктором философии и изящных искусств, в 1810 г. экстраординарным, а в 1811 г. - ординарным профессором. До 1821 г. Каченовский преподавал теорию изящных искусств и археологию, затем перешел на кафедру истории, статистики и географии и оставался на ней до введения устава 1835 г. (в 1830 - 1831 гг. преподавал, сверх того, российскую словесность, а также всеобщую историю и статистику). Последние семь лет своей жизни Каченовский занимал кафедру истории и литературы славянских наречий. Ясный и трезвый природный ум и деловитость, приобретенная на службе, не могли заменить Каченовскому школьной подготовки. При всей своей разнообразной начитанности он не мог сделаться самостоятельным ученым ни в одной из тех отраслей знания, которых ему так много пришлось переменить в течение своей профессорской карьеры. Тоже приходится сказать и о занятиях Каченовского русской историей, его любимым предметом, к которому он всего охотнее возвращался. До назначения на кафедру русской истории его исторические статьи не носят никаких следов самостоятельного изучения предмета; он просто популяризирует Шлёцера и прилагает его общую точку зрения к суждениям о частных вопросах. Как последователь критического направления Шлёцера, он является противником националистического взгляда Карамзина и восстает против изображения прошлого в чертах современности. В 20-х годах Каченовский начинает специально заниматься источниками русской истории. Под влиянием Нибура, он ставит своей целью освободить историю от тех черт, которые внесены в источники позднее изображаемого в них периода и поэтому недостоверны. Древний период истории представляется Каченовскому состоянием полной дикости. Вслед за Шлёцером, он подозревал и прежде, что древнейшая Русь не знала ни письмен, ни торговли и денежных знаков; но, исходя от этой мысли, Каченовский идет теперь гораздо дальше Шлёцера. Свои собственные оригинальные рассуждения он основывает на неудачной догадке, что денежные знаки, упоминаемые в наших древних юридических и исторических памятниках ("Русская Правда" и "Летопись"), перешли на Русь только в XIII в., от более цивилизованной Ганзы ("О кожаных деньгах"). Из этой догадки Каченовский делает смелый вывод, что и самые источники, употребляющие эту денежную систему, составлены не ранее XIII в. Попытку доказать этот вывод ученым образом Каченовский сделал в другом своем исследовании, о "Русской Правде". Здесь он доказывает, что ни законов, ни городских общин, которые могли бы издавать законы, не существовало до XIII - XIV в. не только в России, но и в остальной Европе. Окончательных своих заключений Каченовский не решался договорить в названных ученых работах; но он излагал эти заключения на лекциях студентам. Вся древняя русская история баснословна, потому что источники этой истории подделаны не ранее XIII в. Выводы Каченовского совпали с новыми идеями исторической и философской критики. Молодое поколение с жадностью ухватило за эти выводы; слушатели развили его положения в ряде статей, напечатанных Каченовским; имя Каченовского на несколько лет сделалось чрезвычайно популярным (см. Скептическая школа). Популярность эта, однако, скоро прошла, так как по форме лекции Каченовского были довольно сухи и монотонны, а по содержанию далеко не были тождественны с философскими идеями, которыми увлекалась молодежь. Наиболее талантливые из временных последователей Каченовского печатно отметили разницу между "формальной" критикой Шлёцера, на которой остановился их учитель, и "реальной" критикой, вытекавшей из современного им